

нообразны и однотонны), ценил «Преступление и наказание» (первую часть, потом, он считал, пошло хуже, монотоннее — «размазывание»). Пожалуй, все же читал Толстой Достоевского не очень внимательно и урывками, а некоторые романы, возможно, просто перелистал. Немного колебался в своем отношении к Достоевскому — определенную роль тут сыграли и письма Страхова, но, в конце концов, прервал ставший тяготить его слишком односторонний разговор о Достоевском со Страховым, отчитав последнего. С нескрываемым удивлением Толстой наблюдал все возрастающий интерес к Достоевскому в России и за ее пределами, после смерти Страхова переросший в своего рода культ. Этот головокружительный посмертный успех Достоевского представлялся ему загадкой, которую он в последний период своей жизни попытался разрешить.

Иногда Толстой перечитывал любимые места из «Записок из Мертвого дома» и «Братьев Карамазовых» (жизнеописание Зосимы), но к другим произведениям Достоевского предпочитал не обращаться, полагая, видимо, что все это «не то». Толстой несколько раз принимался за чтение «Братьев Карамазовых», но, дойдя где-то до середины романа, с раздражением бросал. Первую попытку Толстой предпринял в первой половине 1880-х годов (видимо, после смерти Достоевского), но, как он говорил Г. А. Русанову, не смог дочитать роман. Больше всего Толстому не понравились диалоги и монологи героев (мнение это и позднее не изменится): «Мало того, что они говорят языком автора — они говорят каким-то натянутым, деланным языком, высказывают мысли самого автора».¹⁷⁵ Спустя десять лет (в марте 1892 года) Толстой благодарит В. Г. Черткова за присланных им «Братьев Карамазовых»: «Карамазовых я читал и в особенности всё, что касается Зосимы, но прочту еще раз». Приступил Толстой к новому чтению романа осенью того же года. Главы романа, как это было принято, читали вслух по вечерам. В ноябре Толстой писал жене: «Очень мне нравится». Но, видимо, вновь произошла какая-то заминка, и чтения прервались.

Отбирая тексты для «Круга чтения», Толстой (у него была привычка перечитывать понравившееся неоднократно) однажды остановился на фрагменте из «Братьев Карамазовых», и снова умилился. Д. П. Маковицкий записал 8 апреля 1905 года: «В три четверти девятого Л. Н. вышел из кабинета в залу и прочел вслух отрывок из „Братьев Карамазовых“ — „Поединок“. Читает он как великий художник. Место, где офицер дает пощечину денщику, читал сильным голосом; где офицер жалеет о том, что сделал, — рыдал и глотал слезы. Когда закончил, был очень растроган. Лицо в морщинах, усталый; сидел погруженный в размышления, молчал. Последовали замечания на прочитанное: Михаил Сергеевич (Сухотин. — В. Т.) заметил, что слишком длинно для „Круга чтения“; Николай Леонидович (Оболенский. — В. Т.) — что слог извилистый и первый рассказ фальшив; повторения: „Я виноват за всех и вся“. Были и другие замечания. Л. Н. не вмешивался, только сказал, что можно сократить...»¹⁷⁶

Похоже, что окружение Толстого привыкло к такой эмоциональной реакции. Очевидно, что она на этот раз их мало впечатлила. Среди близких Толстому людей были и критически относившиеся к творчеству Достоевского — отсюда и скептические реплики.

Другой раз, 12 мая 1909 года под впечатлением от чтения фрагментов из «Мертвого дома» (смерть каторжника) Толстой «высказал мысль, что Досто-

¹⁷⁵ Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М., 1979. С. 201.

¹⁷⁶ Лит. наследство. Т. 90. Кн. 1. С. 239—240.